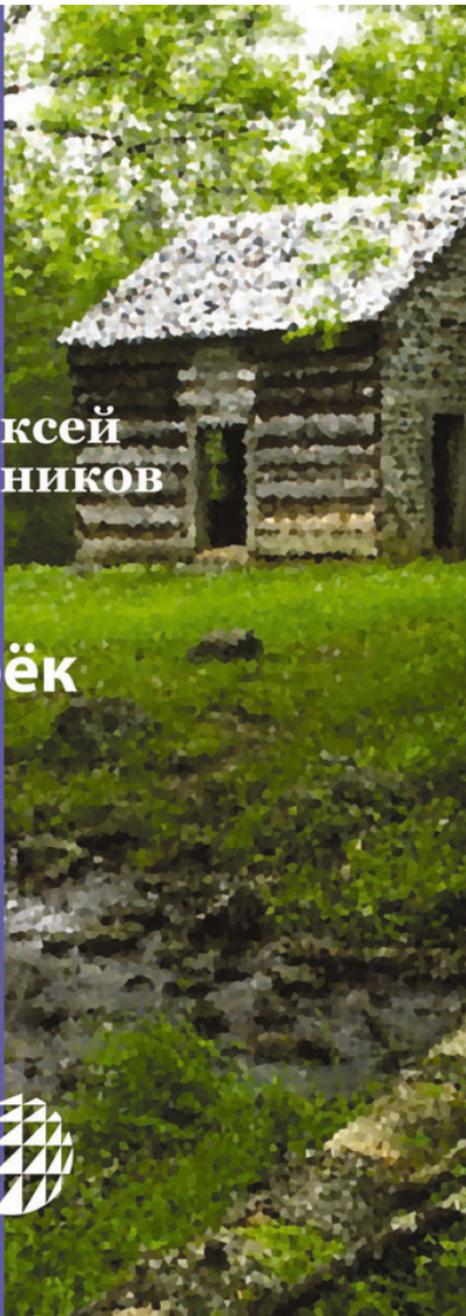

**Алексей
Иванников**

Хорёк

Алексей Алексеевич Иванников

Хорёк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14650618

Аннотация

Вряд ли вы встречали в реальной жизни таких людей. Хотя здесь каждому везёт по-своему, у кого-то такие люди могли оказаться среди знакомых, у кого-то – даже среди родственников. Но не исключён и другой вариант: может быть, если вы отбросите в сторону весь страх и все условности, все наносные обстоятельства и мелкие детали, взглядевшись в этот образ, вы узнаете себя.

История умного талантливого мошенника-инвалида, ставшего по стечению обстоятельств многократным убийцей.

Хорёк

Роман

I

Здравствуйте. Это вы хотели видеть меня? Впервые меня кто-то навещает здесь, тем более неожиданно – что незнакомый человек. А мы точно незнакомы? Я ведь не знаю: что вам надо, мне всего лишь сказали, что кто-то хочет обстоятельно поговорить и дали целый час. Вы не следователь? Нет?! В-общем, не похожи вы на следователя. И чем же я могу помочь?.. Вы хотите, чтобы я рассказал о себе?.. Зачем это вам?.. Надо? Надо – понятие растяжимое, мне вот тоже кое-что надо, но ведь не дадут же, ещё и похамят и поиздеваются. Так что с чего бы я стал вам что-то рассказывать, я ведь не знаю – зачем. Для личных целей? То есть не для работы? Ну тогда... ладно. Но вы не боитесь? Я имел в виду: потерять кучу времени совершенно напрасно. У меня его тут навалом, даже приятно потрепаться, по причине отсутствия других удовольствий. Вам же: не знаю, не знаю... Может: вам подойдёт кто-нибудь другой, с совсем другим послужным списком? Я ведь не самый известный здесь клиент: есть куда интереснее. Что вы сказали? Именно я вам и нужен? Ну тогда ладно, хорошо, уговорили.

Имя моё вы знаете? А позвольте, как вас называть? Александром? Хорошо, договорились: так и буду. Что же касается имени, у меня есть ещё одно, многие воспринимали бы его за оскорбление, но я ничего обидного в нём не вижу. Меня

ещё зовут Хорьком: можете так и называть, если захочется. Хорёк – маленький, но хищный и злобный зверёк, способный дать отпор многим, кто будет крупнее, или в крайнем случае сделать ноги. Именно так я и поступал всегда, теперь, правда, от этого мало толку.

Многие с жалостью глядят на меня, замечая маленький рост, слишком большой череп и выражение лица: не слишком внушающее доверие. Они даже думают вначале, что я слабоумный: дегенерат, не умеющий связать и несколько нужных слов, чтобы выразить нечто серьёзное и значительное. И как же весело становится, когда они убеждаются в обратном: что скорее они слабоумны на моём фоне, а болтать по разным поводам и без повода вообще я способен часами: если, конечно, возникнет такое желание. Хотя при необходимости у меня всегда имеется запасной вариант: глаза в одну точку, дебильная улыбка на всё лицо, давно выработанная повседневной практикой, и капли слюны в углах рта, готовые сорваться и закапать пол или обувь врага, если только он приблизится на минимальное расстояние.

Когда я вхожу в раж, вдохновляясь от чувства грозящей опасности, то могу обмануть даже патентованного профессионального психиатра, с умным видом изучающего мою ничтожную для него персону. Но использую способности я всегда только по делу, когда есть реальная угроза нападения. Вид обгадившегося младенца просто не позволяет недругу приступить к исполнению жестокого желания, так что в

большинстве случаев подобная стратегия идёт на выручку. И ещё бы не шла: маленький, тощий, сопливый, слабоумный – только у последнего садиста поднимется рука на такого, но садисты, к счастью, в жизни мне встречались нечасто.

Хотя здесь, кстати, их вполне достаточно: здесь же сидят не простые убийцы, а те, кто в этом деле сильно преуспел. Так что для меня тут совсем неподходящая компания: то, что для меня стало стечением обстоятельств, для них было повседневной реальностью. Тут ведь обретается, кажется, и «битцевский маньяк», и ещё несколько известных персонажей, так что хорошо, что у каждого отдельная камера. Вряд ли я поладил бы с ними, но наше общение ограничивается редкими встречами в коридоре, когда кого-то ведут мимо, а остальные из-за дверей пытаются что-то кричать. Бессмысленное дело, ведь когда арестанта сопровождают в медпункт или куда-то ещё, ему ведь заламывают руки и пригибают голову, так что единственное, о чём он может думать в таком положении: как бы не грохнуться на каменный пол. И общением это можно назвать с большой натяжкой. И вообще здесь совсем несладко.

Неужели вы думаете: что у меня тут много удовольствий? В-основном книги, изредка – газеты, главное же моё развлечение – слушать болтовню птиц, голубей и особенно воробьёв, ведущих свою повседневную жизнь в непосредственной близости от камеры. Какие вопли они издают рано утром, когда я ещё должен в соответствии с распорядком

спать, но разве позволят мне это сделать мелкие паразиты, для которых я сам выгляжу гигантом. Завидую ли я им? Безусловно. Они ведь вольные птицы, и никто не будет держать их взаперти, не позволяя даже носа высунуть наружу, и всё якобы ради общего блага. Или ради справедливости, чтобы ни одна жертва не осталась неотомщённой, хотя кто спрашивал у мертвецов, чего они хотят на самом деле?

Жмурику – ему уже всё равно, что происходит на этом свете, с которым ему пришлось раньше времени проститься. В ад же, рай и прочие глупости я не верю: не было ещё никого, кто смог бы подтвердить их существование, тем более что любое обиталище должно где-то находиться, а вы представьте себе: если бы существовали ад и рай, то для размещения всех оказавшихся там за долгие миллионы лет какими размерами они должны обладать?! И где же они могут поместиться, вместе со всем сопутствующим оборудованием и обслуживающим персоналом, если верить в давно сложившиеся сказки?

А австралопитеки? Неужели вы думаете, что господь бог – существуй он на самом деле, упустил бы возможность и не сделал бы ставку и на этих наших дальних предков, в течение миллионов лет заселявших землю? Он ведь был бы не таким формалистом, как представители церкви. А также на прочих живых существ, безусловно обладающих душой не меньшего калибра, чем какой-нибудь тупой и нудный амбал, имеющий пару извилин, да и то не в том месте!

Если же распространить подобные суеверия на целую Галактику: то представьте, какие понадобятся территории, чтобы вместить всех обладающих душами живых существ, уже за сколько там – то ли десять, то ли пятнадцать миллиардов лет – возникавших и уходивших в небытие! Это ж страшные цифры, совершенно не поддающиеся описанию, и неужели кто-то действительно предполагает, что после смерти он должен оказаться где-то в высших мирах, свободно разместившись среди соплеменников?

Ставя такие вопросы приходящему сюда иногда попу, я неоднократно вгонял его в краску. Что мог ответить мне жирный хорошо отъевшийся попик, явно не кончавший ничего кроме обычной семинарии: да и то, если судить по жалким невнятным мычаниям, преимущественно на тройки, за что и оказался он сослан в эти не самые благоприятные края. Собачий холод зимой, осенью и весной – дожди, летом же количество самых разных паразитов – начиная с мошки и комаров и заканчивая неизвестными мне гадами – зашкаливает так, что даже надёжная вроде бы защита в виде сеток не слишком помогает. Хитрые негодяи всегда найдут где просочиться, пусть даже это всего лишь открываемая раз в сутки дверь, надёжно разделяющая разные помещения. Как будто специально ждут они и следят, когда наконец откроется дорога к новой жертве, которую можно будет слегка поглотить, пока она ничего не подозревает. Но я уже хорошо узнал замашки местной живности, так что совсем непросто

обмануть им меня. Забравшись по-тихому в мою камеру, паразиты ждут наступления темноты, прячась где-нибудь под лежанкой или в тени умывальника. Однако я уже знаю, где их искать, так что просто время от времени проверяю места их сбора и ночёвки. Тем более что особо здесь всё равно нечем заниматься: государство взяло на себя заботы и о моём проживании, и об одежде, и о питании, и даже о ежедневном досуге, скудном до безобразия. Разве стал бы я раньше дожидаться старый просроченный номер газеты и потом зачитывать его до дыр? Никогда не любил прессу: зачем, если есть телевизор или в крайнем случае радио, где то же самое можно узнать спокойно и со всеми удобствами, не прикладывая лишних усилий? Развалишься на диване и слушаешь: что ещё случилось интересного на этом свете, кого ещё кокнули в тёмной подворотне или размазали по асфальту, наехав тяжёлым грузовиком. Или где случилось очередное землетрясение и к каким человеческим жертвам оно привело. Что вы сказали? Наслаждаюсь своей безопасностью? Ничего подобного! За себя я всегда готов постоять или хотя бы ловко вывернуться из очередной ловушки. Что же касается случившихся жертв, то к ним у меня совершенно другое отношение. Это их плата за то, что они родились как все, как все выросли и получили всё полагающееся – и даже с явным избытком! В отличие от меня, так и не сумевшего дорасти до нормального размера и получить достойное образование. Так что, слушая про очередную жертву катастрофы, я просто

злорадно смеюсь, вспоминая пословицу «любишь кататься – люби и саночки возить». Его ведь никто не заставлял возвращаться домой после полуночи тёмным переулком, или не сажал насильно за руль легковушки: нет, *он сделал это сам*, ну так пусть теперь расплачивается за случайное легкомыслие! Выставляясь напоказ, любой человек рискует получить удар ножом в спину или кирпичом по балде, и чем больше его претензии на известность и значительность, тем сильнее может оказаться увечье. Особенно если он нажил себе врагов – врагов серьёзных и значительных, не показывающих своего реального отношения. Такой затаившийся враг может стоить десятка открытых недругов! И однажды, когда не ждёшь ничего такого, вдруг оказываешься жертвой, но совсем не невинной, а сознательно выбранной и подготовленной.

Разумеется, я говорю о себе: стал бы я так долго распространяться на абстрактные темы, если бы дело не касалось меня. Своя рубашка – даже драная – всегда ближе к тощему загорелому телу, чем чужой накрахмаленный фрак. Фрак же хочется или спереть, или в крайнем случае измазать в какой-нибудь грязи, чтобы его обладатель не выпендривался перед всеми, демонстрируя свои могущество и богатство. Именно такие причины всегда двигали мною, именно потому я и оказался в конце концов на этих грязных вместительных нарах, и именно поэтому вы и пришли ко мне. Скажете – не так? Конечно, если рассуждать логично, то вы просто интересуетесь криминальным миром – я так, кажется,

понял – и в процессе знакомства вам попала на глаза моя история. История, безусловно, нестандартная – с чего бы вдруг талантливый вор-карманник переквалифицировался в мокрушники, сразу перечёркивая блестящую карьеру? Я ведь не только убил то самое злосчастное существо и нескольких близких ему людей, но и дал поймать себя! Причём попался из-за собственных глупостей и ошибок: явная потеря обычной концентрации стоила мне кучу времени, которого вполне хватило бы на обеспечение алиби – кажется, так любят называть это сыщики и журналисты? Вы не журналист? И кто же? Социолог? Ах, учёный, занимающийся окружающим нас бардаком и желающий выудить из него какие-то закономерности? Ах, вы ещё и собираете материалы для диссертации: для кандидатской? На тему? Вы не удивляйтесь, что я так подробно расспрашиваю: сидя уже пятый год на нарах, я нашёл себе интересную отдушину. То есть я всегда любил читать научно-популярную литературу, просто далеко не всегда были у меня такие возможности. Теперь же у меня куча времени и долгие-долгие ещё годы впереди, когда я могу заняться самообразованием. Аттестат за одиннадцать классов – всё, что есть, где уж было просвещаться и образовываться, так что именно тут я получил такую возможность. Я даже подумываю о поступлении в институт: разумеется, на заочное отделение. Как вы думаете, меня примут? Хотелось бы хоть к сорока годам получить диплом, чтобы не воспринимали посторонние как дебила или слабоумного, кроме тех

случаев, разумеется, когда я сам захочу взять на себя такую роль. Ведь получится?

Мне не так много: тридцать восемь, в декабре будет тридцать девять. Надеюсь ли я выйти отсюда? Надеюсь: несмотря на жестокий приговор и почти полную безнадёгу, опирающуюся на такой срок. Двадцать пять лет – это не шутки, не все столько и живут, мне же предстоит провести их здесь – за колючей проволокой и крепкими засовами, так что, если не будет поблажек, то выйду я только в пятьдесят девять.

Разумеется, я всё делаю для того, чтобы получить амнистию или хоть какую-то скидку, но пять трупов – это пять трупов. О четырёх из них я до сих пор сильно жалею, о чём я не уставал повторять и во время процесса, и после, но чего не вернёшь, того уже не вернёшь... Абсолютное стечение обстоятельств, несчастливая судьба, небольшая ошибка в расчётах: и чтобы выбраться из дома, пришлось убивать ещё четверых. Пистолетом, разумеется пистолетом: разве смог бы я нанести вред взрослому человеку каким-нибудь ножичком? Я бы просто не достал, да и потом: одно дело – когда ты нажимаешь пальцем на курок, и противник просто падает, совсем же другое – когда ты втыкаешь ему нож куда-то в тело. Он же ведь будет защищаться и бить тебя в ответ, стараясь ударить побольнее! А хлещущая кровь? Я совсем не слабак, но даже мне от такого зрелища может стать плохо. Так что в дом я полез с пистолетом и твёрдо поставленной целью: рассчитаться с негодяем за всё, что вытерпел от него. Разу-

меется, я говорю о главе семейства: Блуднике-старшем. Одна только фамилия о многом говорит! Просто так не раздаются такие фамилии, вы-то как социолог должны понимать. Редкая сволочь, поверьте мне на слово, и если бы не я пришел его тогда, это сделал бы кто-то другой. А как страдали от него другие официанты и особенно официантки – он ведь, несмотря на старпёрский уже возраст, проходу никому не давал! Слишком долго ни одна у него не задерживалась, кроме тех, разумеется, кто позволял ему всё что угодно. Мужчин же просто унижал и третировал, как будто они были рабами, обязанными делать всё для властного хозяина. За что и поплатился в конце концов, чего я совершенно не стыжусь и о чём совершенно не жалею, несмотря даже на жестокий приговор и туманные перспективы. Если бы имелся выбор, я бы всё равно достал ублюдка, тем или иным способом заставил пожалеть его обо всём, просто сделал бы это умнее и без лишних жертв. И мы сейчас не трепались бы в узком тесном кабинете, и встретиться имели шанс только в совершенно другом качестве.

Как: вы уже уходите? Но вы ещё придёте? Не хотелось бы потерять такого собеседника. Тут ведь особо и общаться-то не с кем: с конвоирами запрещено, среди же заключённых найти кого-то приличного тоже практически невозможно. Здесь же особая зона! Убийцы, маньяки и садисты: совсем не моя среда, хотя я тоже не лыком шит. Но не до такой же степени! То, что я здесь – стечение обстоятельств, не

больше того, они же всей своей жизнью прокладывали дорогу сюда, честно заслужив пожизненные места в своих камерах-одиночках. Так что вы ещё придёте? И тогда я уже гораздо лучше смогу удовлетворить ваш интерес, и я расскажу о таких вещах, что ваши коллеги изойдут слюною от зависти и злобы и сильно пожалеют, что не хватило у них смелости отправиться в эту глушь, где спрятан такой богатый и обширный материал!

II

Добрый день. Прошла всего неделя, а вы уже здесь. Я забыл спросить в прошлый раз: а вы не из Москвы? Я ведь сам не местный, и всю жизнь провёл в столице. Было бы тогда вдвойне приятно. Нет? Ах, из области. Значит, не совсем ещё загнулась наука за кольцевой, это не может не радовать. Я ведь так понял: что с наукой нынче совсем паршиво. В загоне она и в унынии, и только где-то по углам шуршат э... учёные, перебирая старые бумажки. Как, нет?! Может, это касается вашей области, а так, насколько я понял, в-основном-то разруха и хаос. Ну, бардак, помноженный на нищету. Ах, у вас специальная программа? И где же? В областном университете? Это на что же выделяют у нас нынче деньги, за исключением нанотехнологий? Надеюсь: вы не в рамках подобной программы работаете: что-нибудь типа «Нанопреступность в России»? Шучу-шучу. Ах, понятно: предотвращение и профилактика преступности. Ну-ну. Нет, я понимаю, работа у вас такая и тема диссертации, видимо, тоже.

Угадал? Разумеется, да. И чем же вас заинтересовала моя история? Ах, меня рекомендовало руководство тюрьмы. Ну ещё бы: я же, можно сказать, встал на путь исправления, и, в отличие от большинства местных сидельцев, совсем не потерял человеческий облик. Вы не общались с соседом справа по коридору? Он же просто какой-то зверюга, давно уже разучившийся нормально объясняться с людьми. Каждый раз, когда его выводят из камеры, охранникам приходится приводить его в чувство. Возможно, по нему давно уже дурдом плачет, просто кому это нужно: лечить старого выжившего из ума маньяка.

Я хорошо понимаю местное руководство: пускай уж лучше этот скот тихо поддыхает в своей берлоге, а не портит кому-то жизнь. Наверняка и на свободе – в прежней жизни – всем общавшимся с ним приходилось нелегко, а уж сейчас – когда он постарел и обрюзг: это вообще сомнительное удовольствие. Видел я его пару раз: здоровый губастый детина со взглядом упыря и дебила. Вот с таким бы я точно не захотел сидеть в одной камере или просто знакомиться: он ведь убьёт не задумываясь, просто чтобы попробовать на ощупь горло очередной жертвы. Интересно, сколько на нём висит? Наверняка ведь намного больше, чем на мне. Ну и мерзкий характер ничем не скроешь: когда на него находит, он протяжно долго воеет и что-то бормочет. Как будто он из оборотней, затесавшихся среди нормальных людей. Когда же вой доходит до максимума, то даже охрана не выдерживает и вла-

мывается к нему в камеру. Вот тогда бывает представление! Они лупят его, ногами и дубинками, заставляя верещать ещё громче, пока наконец не вырубают. Только тогда можно наконец успокоиться и заснуть всем окружающим этого ублюдка, в противном же случае – если его не успокоить – ещё одна бессонная ночь обеспечена. Я даже просил перевести меня в другое место: но местные бюрократы абсолютно такие же, как на воле, зачем им стараться и шевелить лапами, если этого можно и не делать. Так что приходится терпеть жуткое соседство с надеждой на то, что недолго уже ему осталось топтать землю и как-нибудь он всё-таки заgnётся.

Ну ладно: оставим уродов в покое, вы же хотели, кажется, чтобы я рассказал о себе. Вы ведь этого хотели? Я готов.

Как рассказывала мне мать, я долго не хотел появляться на свет. Долго – месяцев десять или одиннадцать. По всей видимости, я заранее предвидел, какое количество самых разнообразных гадостей ждёт меня здесь, и потому я благо-разумно – до последней возможности – оттягивал момент. Лишь заботы врачей лишили меня тёплого уютного ложа: кесарево сечение грубо нарушило долгий покой, и в середине декабря меня наконец выпихнули в самостоятельную жизнь.

Как рассказывала мать, несмотря на такой долгий срок я оказался достаточно мелким: но поскольку она и сама была не великаншей, меня посчитали нормальным. Моя мать тоже низкого роста: сантиметров на пять повыше, что компенсируется у неё толщиной, особенно в последние годы. Что же

касается отца: его я никогда не видел, даже на фотографиях. Что вы сказали? Откуда моё отчество? По её версии моего отца звали Сергеем, работал же он геологом и постоянно находился в экспедициях. Что касается имени: верю, именно так его и звали, только вот всё остальное настолько отдавало ложью и тухлятиной, что ещё в ранних классах школы я понял горькую истину. Точнее две истины.

Одна касалась непосредственно меня. Подслушанный как-то разговор дальних родственников шёл обо мне: один из них назвал меня инвалидом и жертвой несостоявшегося аборта, так что слегка пренебрежительное отношение к нам обоим преподносилось как совершенно естественное и справедливое. Они жалели меня и снисходительно воспринимали многие шалости, делая скидку на предполагаемую неполноценность и ущербность. Видели бы они меня сейчас: я ответил бы им так, что они сразу заткнулись бы, ощущая уже себя дураками и невеждами!

Вторая же истина касалась отца. Не знаю уж, что у него там случилось с матерью, но я был явно нежеланным ребёнком. Я не исключаю даже, что мать подверглась насилию, и именно поэтому меня и пытались выковырять и выбросить на помойку. Но я, видимо, так вцепился в жизнь – всеми конечностями сразу – что меня просто не смогли извлечь, и, обидевшись, я сидел внутри до последней возможности.

Отец же – который и передал свою живучесть – явно проводил свои командировки во вполне определённых местах:

таких же, как это. Как-то я услышал разговор во дворе: один парень советовал другому не лезть ко мне, причём не потому, что я маленький и слабый. Он брякнул, что мой отец уголовник и связываться со мною просто опасно. «А то придёт и урвет!» Хотел бы я, чтобы именно так всё и случилось. Мелкие размеры далеко не всегда служили мне защитой, так что стоило кое с кем посчитаться. Однако за долгие годы я так и не дождался возвращения отца из затянувшейся экспедиции, к чему он явно и не стремился. Если бы захотел: он мог хоть как-нибудь напомнить о себе, и уж как-нибудь я бы узнал об этом от матери.

Однако явно не до нас ему было: я не исключаю даже, что он мог просто и не знать о моём существовании, если у них с матерью дело свелось к короткой шальной связи. Зачем ему нужна была моя мать! Может я говорю и плохо, но она всегда была непривлекательной женщиной: полтора метра ростом, с толстыми распухшими ногами и грубым лицом. Кого она могла привлечь! Даже на старых фотографиях – в молодости – она сильно смахивала на посудомойку, кем на самом деле и работала большую часть жизни. Так что может для неё это было и достижение: что она смогла хоть на время привлечь моего отца, оставившего следы своего присутствия в моём лице и давшего ей смысл жизни.

Я не хочу углубляться в подробности семейной биографии, но кое-что могу рассказать. У моей матери имелся старший брат – совершенно нормального вида, не то, что мы, и

ещё несколько двоюродных братьев и сестёр. Родители же матери, а мои соответственно бабушка с дедушкой умерли рано: ещё когда я только пошёл в школу. Моя мать сама была поздним ребёнком, я же родился совсем поздно: матери тогда стукнуло почти сорок, и никто явно не ожидал от неё такого подвига. Жили мы в комнате в коммунальной квартире, хотя дом и место были совсем не простые. Это был центр города: один из переулков бульварного кольца, с расположенным совсем близко прудом и другими полезными довесками. Я только сейчас понимаю, насколько ценным оказалось место: на фоне нищеты, с которой теперь приходится иметь дело. Тогда же я совершенно не ценил, например, ту библиотеку, что находилась в соседнем здании, или, например, театр, в доме напротив. Пару раз я всё-таки ходил на спектакли, я любил только комедии и не стал бы сидеть и смотреть какую-то нудятину. Сейчас бы я с удовольствием пошёл на какой угодно спектакль, хотя бы ради одной обстановки, но кто ж предложит мне теперь что-то подобное?

Дом, где мы жили, находился недалеко от различных удовольствий, но там был ещё и хороший двор. И ещё переулочки: которые стали моей настоящей школой жизни и дали мне побольше, чем настоящая школа. Хотя я, наверно, слишком забегаю вперёд: лучше, наверно, двигаться по порядку, примерно так, как я окунался в окружающую меня жизнь. Вас ведь интересует, как человек становится э... криминальной личностью, приобщается к тёмным углам и закоулкам? Это

я пожалуйста, без вопросов. Но тогда давайте: я – вам, а вы – мне. То есть я без утайки расскажу о своей жизни, вы же поможете мне кое в чём. Вы ведь наверняка можете повлиять на тюремное руководство и кое-чего для меня добиться. Договорились?

Вопрос на самом деле несложный и чисто бытовой: это первое. В моей камере сломался умывальник и пол стало иногда заливать. Можете себе представить: как мне приходится на несчастных девяти или десяти метрах! Я же ступить не могу, боясь вляпаться, так что можете представить, какая там возникает обстановка!

И второе: из-за всего этого я начал кашлять. Подозреваю, что неспроста, но попробуй докажи доктору, что мне нужна помощь! Они скорее нас убить готовы, чем оказать помощь: разумеется, здесь же собраны убийцы и маньяки, и отношение у персонала соответствующее. Так что: вы не могли бы попросить, чтобы меня нормально осмотрели и дали таблетки, если надо? Хорошо? Я ведь неопасный, как многие тут, и совершенно не заслуживаю такого отношения. Договорились?

Вот и хорошо. Возвращаясь же к моему появлению на свет, хочу заметить: что никто к нему готов не был. Мать явно переросла тот возраст, когда от неё ожидалось что-то подобное. Она мне как-то хвасталась, что была у неё в молодости любовь, без особых правда деталей и подробностей. Я так и не понял, кто там кого бросил: но судя по всему по-

страдавшей стороной, как и обычно, оказалась моя мать. Но ведь если бы у неё всё срослось тогда, меня бы ведь не было?! Так что судьба распорядилась тогда удачно, не дав появиться моему конкуренту, и так же удачно распорядилась она, когда родился я. У матери тогда пошла в гору карьера, если можно так сказать: незадолго до того она получила наконец ту комнату, где прошло моё детство, и перешла работать в школу. Так что предпосылки для моего рождения были созданы, и мне оставалось только родиться.

Как рассказывала мать, она чуть не умерла, рожая меня. Непокойный активный характер проявился уже тогда: чтобы извлечь меня, потребовалось даже кесарево сечение, и мать потеряла так много крови, что могла умереть. Через пару недель, по всей видимости, нас выписали из роддома, и на несколько месяцев она рассталась с работой.

Разумеется, я ничего не помню из происходившего в первые два года жизни: самые первые воспоминания начинаются с трёхлетнего возраста, да и то всё выглядит очень смутно. Со слов матери я знаю, что на работу ей пришлось вернуться через полгода, приглядывать же за мною ей помогала мать и моя соответственно бабушка. Как-то они там договаривались между собою, распределяя время и возможности: я был с самого начала беспокойным типом, и приходилось им совсем непросто. Первое, что я помню – жуткий скандал, который я закатил из-за того, что мне не дали какую-то игрушку: потрясение от такой несправедливости оказалось настолько

сильным, что я орал и катался по полу, не помню вот только: получил ли я желаемое. Мать ведь была нищей, и если в том, что касается еды, у нас никогда не возникало недостатка, то в остальном дело было по-другому. Мать ведь работала в школьной столовой, причём в не самой плохой школе, так что самые разнообразные продукты у нас имелись даже тогда, когда их не было в магазинах. Нет, нам не было нужды выстаивать огромные очереди и сражаться за кусок колбасы или сыра, так же как и за какие-нибудь апельсины или мандарины. Регулярно приносимые домой авоськи происходили из нескольких огромных холодильников на кухне, куда однажды я как-то сунул нос. Знакомый уже с продовольственными магазинами для всех – куда мы всё-таки заходили покупать хлеб и прочие самые обычные продукты – я поразился обилию того, что попадало в школу. Гирлянды сосисок и сарделек, цыплячьи тушки, пакеты с мороженной рыбой, палки колбасы: таков был примерный список запасов, не говоря уж про вульгарные яйца или самые разнообразные овощи и фрукты. Вряд ли контроль могучих богатств был максимально строгим, что и позволяло причастным к процессу – в разумных количествах, конечно – обеспечивать себя дармовой едой. Я скажу больше: несмотря на внешнюю нищету жизни, я был с детства избалован во всём, что касалось еды. Когда мы шли в гости к родственникам, то я совершенно не бросался на гастрономические изыски, которыми развлекался кое-кто из родных. Я мог наоборот забраковать ка-

кой-то деликатес, и родственник ещё удивлённо спрашивал мать: а что со мной такое?

Но разве могла она рассказать сомнительную правду, разве могла она признаться, что несмотря на внешний официальный статус полной голодранки, она имеет в своём распоряжении эти продукты, которыми кичливо хвастаются пригласившие нас родственники, а также некоторые другие, которыми родственники похвастаться не могут. Кулинарные способности позволяли матери делать многое и делать хорошо, так что она сама могла бы удивлять снисходительных родичей, но она этого не делала: а то семья брата перестала бы помогать нам. Во всяком случае, устраивая очередную тайную вечерю, в которой участвовали только мы двое, мать всегда предупреждала, чтобы я держал язык за зубами. Да и вообще самое сильное впечатление детства у меня осталось от одного, можно сказать, наставления, которое сделала мать, когда я уже немного вырос. Я уже начинал понимать, что отношения с другими людьми совсем не обязательно могут быть добрыми и положительными: отобранная у меня как-то в песочнице игрушка – блестящая красная машинка – так и не вернулась ко мне, и несмотря на поднятый по этому случаю рёв никто так и не помог вернуть пропажу. Так вот мать сказала мне тогда: *никогда не отдавай другим своё! Схватил – и не выпускай! А иначе будешь голодранцем.*

Я помню, что внимательно выслушал тогда её – несмотря на характер, я всё-таки тогда слушался её советов и реко-

мендаций – и слегка задумался. А ведь я сам могу схватить чужое: и что будет при таком развитии событий? Но ведь хозяин может об этом и не узнать: и тогда надо будет доставить предмет в свою норку и спрятать его. И он станет моим.

Приносимая матерью из школы еда подчинялась именно данному правилу, давая нам столько радости, так что я с удовольствием воспринял его. Про свои умозаключения – развивавшие и обогащавшие правило – я говорить не стал. Я тогда ещё только слушал и впитывал, не решаясь на самостоятельные действия и шаги, да и кто бы стал слушать мелкого карапета? Примерно тогда – в три года – и обнаружилось впервые моё отставание от сверстников в росте. Как говорила мать, меня принимали за совсем ещё маленького ребёнка, хотя я уже начинал понимать происходящее: только встретившись со мной взглядом, взрослые сознавали свою ошибку. Тогда я ещё не умел прятаться, тогда мой взгляд выражал очень многое, про характер я уже сказал. Только матери удавалось полностью подчинить меня: и больше я никого слушаться не собирался. Я был тот ещё фрукт! А как я умел выражать своё отношение: особенно недоброжелательность, и особенно когда обидчик действительно был виноват передо мною! Сжав плотно губы, я сверлил негодя тяжёлым сумрачным взглядом, не обещавшим ничего хорошего, хотя, казалось бы, чего подростку или тем более взрослому было бояться такого карапета как я? Однако карапет был уже тогда совсем не прост: что мне стоило как бы случайно описать,

пустив тонкую струйку в направлении ничего не подозревавшего обидчика, или вывалить слюни вперемешку с соплями ему на ногу или на костюм, изображая одновременно оживление и бурную радость! Разве кто-то мог подумать, что в таком ещё совершенно не сознательном возрасте я мог проворачивать уже вполне сознательные комбинации, про одну из которых позже неоднократно рассказывала мать. Сообразительность – инстинктивная и явно природная – позволила мне тогда получить предмет, который мне никак не желали давать, причём не из-за жадности. В том раннем возрасте мне просто нельзя было есть то, что я смог в конце концов выцыганить у судьбы. Речь шла о клубнике, больших спелых ягодах, лежавших в миске на столе, к которым я всё порывался своей крошечной мелкой ручкой, не желая понять и признать, что сидящие вокруг взрослые и не собираются угощать меня манящими яркими плодами. Я попробовал даже плакать: однако никакое нытьё не могло переубедить их. И что же я сделал? Не догадаетесь. Сидя в высоком детском креслице, я неожиданно схватился за скатерть и оттолкнулся всеми силами от стола: немногочисленная посуда не смогла сдержать мой порыв, и я грохнулся вместе со стулом, уронив на себя миску. Когда же взрослые наконец достали нарушителя из-под пёстрого вороха, я уже уписывал одну из ягод, крепко сжимая в ладошках ещё несколько штук: так дорого доставшееся богатство.

Досталось ли мне тогда за это? Вряд ли. Я и так уже по-

страдал от собственной предприимчивости и сам себя, можно сказать, наказал: несколько ощутимых синяков, на которые я сначала не обратил внимание, вызвали интерес у матери и гостей, и тогда уже, с опозданием обнаружив их, я заревел.

Что? Часто ли меня наказывали? Я бы не сказал. Меня ведь требовалось ещё поймать: то есть доказать, что именно я виноват в том, что случилось. Меня ведь не принимали за полноценного, пусть маленького человека, и кто мог подумать, что некоторые непонятные происшествия, так и не получившие внятного объяснения, случились по моей воле, точнее по воле моих шустрых шаловливых ручек?

Запущенная в ванной из крана вода чуть не затопила нижних соседей: кто-то просто успел к тому моменту, когда вода собиралась уже переливаться в коридор с незащищённым полом; выкинутая из окна четвёртого этажа кошка, отделавшаяся лёгкими переломами; и наконец: чуть не спалённая квартира, из-за включённых на кухне газовых горелок. Такими были главные мои подвиги, так и не выявленные в ходе разбирательств: если кошка по дурости ещё и могла сама сигануть из открытого окна, то объяснить включившуюся воду оказалось почти невозможно, тем более открытые одновременно две или три конфорки. Эти случаи вызывали обострение отношений и даже конфликты в и без того не слишком дружной квартире. То есть заявлять, что квартирка была скандальная, я бы не стал: просто очень разные люди с

разными судьбами и интересами оказались впихнутыми в не самое обширное пространство, и каждый, разумеется, тянул в свою сторону.

Соседей у нас имелось трое: разведённая наглая хохлушка с маленькой дочкой, старый еврей с оставшейся далеко за плечами жизнью и молодая семейная пара. Каждая семья имела по комнате: обиталище же находилось на четвёртом этаже пятиэтажного дома, построенного уже давно и рассчитанного, по всей видимости, на других жильцов. Но других жильцов давно уже не стало, и высокие потолки с лепниной в углах служили нам и таким как мы. Не знаю уж как мать добилась этой комнаты: двадцатиметровое просторное помещение было для нас с матерью – таких маленьких рядом с другими людьми – ещё крупнее и вместительнее, так что на недостаток жизненного пространства пожаловаться мы никак не могли. Мы наоборот: несколько даже терялись там, где находились места общего пользования. Здоровая плита, высокие окна и подоконники, звучащий гулко туалет и огромная ванна, в которой я мог даже немного плавать: примерно в такой обстановке протекала наша жизнь в те годы. Габариты предметов явно рассчитывались на других людей – как минимум таких, как старый еврей Евсей Срульевич, занимавший самую дальнюю по коридору комнату и редко выходивший из неё. Навещавшие его родственники вытаскивали высокого тощего старикана из родного гнезда и позволяли увидеть, что он ещё жив и тихо существует на своих пятна-

дцати или двадцати метрах, заставленных старыми ящиками и коробками, а также шкафами, набитыми книгами. Всего несколько раз попадал я в вечно запертое изнутри помещение, хозяин которого не желал иметь дело ни с кем на свете. Как я понял, он только и делал, что читал старые заплеванные книги, забивавшие большую часть его жизненного пространства, отвлекаясь только на еду и самые неотложные дела. Но даже отправляясь в туалет, он обязательно запирает комнату на ключ, так что мне ни разу не удалось оказаться в его берлоге в одиночестве и оглядеться по сторонам. Не думаю, что у него были спрятаны настоящие богатства: назойливые родственники уж как-нибудь нашли бы способ обезопасить своё предполагаемое наследство от опасностей, если бы там имелось что-то действительно ценное, хотя бы запихнув Евсея Срульевича в дурдом. В конце жизни он давал для этого поводы: и так не слишком общительный старик стал регулярно устраивать скандалы из-за малейшего повода, так что доставалось даже его родным. Помню одно такое выяснение отношений: когда я тихо торчал в коридоре, дверь его комнаты резко распахнулась и с грохотом ударила в стену, а выбежавшая родственница – уж не знаю, кем она ему приходилась – с воплями проскочила мимо меня и выбежала из квартиры. Грозный же старикан – неожиданно проснувшись – какое-то время ещё стоял на пороге и кричал грубости, не обращая на людей ни малейшего внимания.

В конце концов он тихо умер в своей комнате, и назой-

ливым родственникам досталось его наследство, только вот комната, на которую они безусловно тоже имели виды, уплыла мимо. Но случилось это намного позже, в те же начальные мои годы я почти не сталкивался с мрачным нелюдимым стариком и общался всё больше во дворе. Разве могла мне быть интересной молодая семейная пара, недавно только распавшаяся, или стервозная глупая хохлушка, носившаяся со своей не менее глупой дочуркой как с писаной торбой, думая в то же время о том, как бы охмурить кого-нибудь? В памяти у меня осталась только её фамилия. Петрусь: именно так звали лезущую во все места и не оставляющую ничего без внимания нахрапистую тётку. Среди дислокаций, где регулярно обнаруживался её нос, были и кастрюли со сковородками на плите, и развешиваемое сушиться на кухне бельё, и, разумеется, комнаты соседей, которым она не давала спокойно жить, быстро тараторя что-то со своим легко узнаваемым акцентом. Любые сплетни и слухи, случившиеся в ближайших окрестностях происшествия, выброшенный в магазинах дефицит: всё это легко переваливалось через порог нашей квартиры и потом затопляло её, надоедая в конце уже ненужными деталями и подробностями, так что соседи старались по возможности быстро отделаться от неё. Платой же за транспортировку информации она считала регулярные чаепития, обеды и ужины. Любившая пожрать соседка работала на почте, не слишком сильно надрываясь и получая не самые большие деньги – какое там, скорее наоборот! – так

что она считала нормальным то, что после очередных новостей её должны усадить за стол.

На этот счёт у моей матери имелось совершенно другое мнение: не тупой наглой нахлебнице было претендовать на доставляемые с работы богатства, так что совсем непростые отношения складывались у них. «Да что это у вас такое!» или «И где это вы такое достали!» давно надоели моей матери, так что, приготовив что-то на общей кухне, она тащила еду в комнату. У нас имелся большой хороший холодильник – один из подарков маминого брата – так что с хранением еды сложностей не возникало. Главное было – проскочить мимо блуждавшей где-то в коридоре вертлявой соседки, готовой под любым предлогом влезть в заранее распланированную трапезу и отхватить себе жирный кусок. Грозная хищница хорошо знала, где можно найти добычу! Когда мать недостаточно быстро пересекала нейтральную территорию, то в самый последний момент из коридорных сумерек могли возникнуть хитрые чёрные глаза, сопровождавшиеся пышной рыжей копной волос, и если мать не успевала прошмыгнуть в комнату и захлопнуть за собой дверь: то приходилось что-то придумывать, чтобы не превращать нашу тихую трапезу в шумное застолье.

Сама же Петрусь – насколько я помню – весьма бездарно обходилась с предоставлявшимися ей возможностями. Если на целую квартиру стояла вонь от сбежавшего молока, то можно было не сомневаться, что это её рук дело, так же как и

большая часть неудачных опытов на кухне исходила от неё. Но особенно меня доставал лук.

Говорил я вам, что от запаха и тем более вкуса жареного и варёного лука меня всегда тошнило? Сколько ни помню я себя: у меня всегда было откровенное отвращение к желтоватым полосатым полоскам, плававшим в супе – и явно из вредности на самой поверхности, распространяя вокруг тошнотворный мерзкий аромат! Так же я относился и к жареным обугленным струпьям, прилипавшим к достававшимся кускам мяса или рыбы: находились сумасшедшие, которые даже рыбу умудрялись обгадить зловонным продуктом! Но если дома моё сопротивление воспринималось как самовольство, дурацкое желание, которому можно дать временную поблажку, то в детском саду любое явное проявление недовольства становилось чуть ли не бунтом, давившимся на корню. Выраженное мною однажды недовольство закончилось насильственным кормлением, после чего меня вырвало прямо на проводившего экзекуцию воспитателя. Толстая тётка никак не желала понять, что рвота является естественной реакцией на такое грубое варварское действие, так что меня даже наказали, лишив сладкого.

В следующий раз, обнаружив в тарелке плавающие вонючие острова и архипелаги, я поступил умнее: выловив кусочки лука, я разложил их на широком белом ободе тарелки, что потребовало некоторого времени, но обезопасило от худшего. Остававшийся суп хоть и отдавал луком, но больше не

имел той силы и духовитости, что заставляли меня срочно бежать к туалету, сдерживая резкий позыв.

А ещё у соседки имелась, как я говорил, любимая дочурка. Олеся, совершенно точно Олеся: это я помню очень хорошо, потому что мы были почти одногодками, точнее она появилась на свет немного раньше – на два года, что и обеспечивало ей покровительственное отношение. Крупная сначала девочка, а потом девушка совсем не поражала умом или красотой: она была этакой крепкой мощной Брунгильдой, способной кому угодно дать сдачи, или даже напасть самой. Немало подзатыльников и выданных волос стоило мне такое близкое соседство, тем более что, как я говорил, моя мать совершенно не ладила с Петрусь-старшей, передававшей своё недовольство дочурке. Подкараулить где-нибудь в темноте коридора, вымазать какой-нибудь гадостью, или даже поймать за шкуру и крепко прижать потом к себе, к набухавшим не по годам формам: только она способна была на такое! Она хорошо знала, что я не выдам её, не проболтаюсь матери или другим родственникам о своих штучках и фокусах, и именно на мне испытывала силу своей пробуждавшейся плоти. Знал ли кто-то ещё об этом? Может быть. Во всяком случае последний сосед – Сергей – пару раз перемигивался со мною в присутствии Олеси: возможно, он застукивал нас в не самых нормальных для нашего возраста позах и положениях. Развивавшаяся нимфомания явно была наследственной чертой: мамаша Олеси совершенно явно

проявляла агрессию и интерес ко всем особям мужского пола, появившимся в ближних окрестностях. Она реагировала даже на находившихся рядом несвободных мужчин, слегка осложняя им жизнь. Возникший как-то план по захомотанию единственного холостяка в квартире – Якова Срульевича – провалился лишь из-за яростного сопротивления родственников жениха, а также его полного безразличия: как я слышал, вышедшая на охоту хищница готовилась идти до самого конца, несмотря на явное несоответствие возраста и прочих параметров. Бедный Яков Срульевич вряд ли выдержал бы надолго совместную жизнь, но ведь у него имелось наследство, которое досталось бы безутешной вдове!

Наверняка такой план, распространявшийся также и на комнату Якова Срульевича, имелся у активной предприимчивой соседки, но вот что заставило её бросить взгляд в направлении Сергея – уступавшего ей минимум лет десять и при этом женатого: я не знаю. Совсем, видно, дошла до ручки в своих матримониальных позовах потерявшая представление о реальности соседка, если она пыталась отбить Сергея у Марины! Не говоря уж о разнице в возрасте – лет пятнадцать – Петрусь проигрывала Марине и во всём остальном. Невысокая стройная блондинка гораздо лучше сочеталась с Сергеем – тоже невысоким, но крепким парнем, работавшим строителем. На хрена ему нужна была наглая жирная корова, помимо глупости и нахрапистости отличавшаяся ещё и воровскими замашками!? В сочетании с нимфоманией по-

лучался такой букет, нюхать который желающих не возникало, так что когда несостоявшаяся вдова принялась откровенно заигрывать с Сергеем: то все выступили против. Случившийся у Марины с Петрусь-старшей конфликт закончился лёгкой потасовкой, победа в которой обязана была достаться старшей по возрасту и более увесистой по массе, но вмешавшийся Сергей прекратил тогда безобразие. Он оттащил Марину, собиравшуюся уже вцепиться в пышные рыжие волосы и разодрать их, и в грубой форме послал разошедшуюся соседку. Долго ещё ближние квартиры вспоминали эту историю: нечасто даже в наших условиях дело доходило до такой остроты и напряжённости, и обнаглевшую до последней крайности Петрусь долго ещё обходили стороной возникшие поблизости мужики.

Это всё случилось несколько позднее, а в первые мои годы я ещё только осваивал жизнь, поворачивавшуюся ко мне совершенно разными сторонами. Хотя неприятных встречалось намного больше: и главным стало прояснившееся окончательно года в три моё явное отставание от сверстников в росте. Если по размеру головы или длине рук я практически не отличался от знакомых сверстников, то во всём остальном разница выглядела разительно и очевидно. Маленькое щуплое тельце явно не хотело превращать съедаемое в больших объёмах в мышцы и кости: хоть, как говорила мать, я и жрал иногда даже за двоих, тело оставалось совсем мелким и откровенно худосочным, так же как и ножки, явно не желав-

шие расти в длину. Нельзя сказать, что я был дистрофиком: то вкусное и обильное питание, которое мать обеспечивала при помощи заветных холодильников на работе, безусловно не дало бы мне пропасть и зачахнуть! Но в чём именно заключалась причина затормозившегося роста, мы так и не узнали. Хождения по врачам, не видевшим в моём случае чего-то необычного, заканчивались одним и тем же: успокаивающим похлопыванием по плечу – реальным или мысленным, советами почаще бывать на свежем воздухе и выписыванием каких-нибудь витаминов. Несколько раз – несмотря на отчаянное сопротивление – мать устраивала мне усиленное кормление белыми или цветными шариками и бусинами, однако никакого действия они не оказали: я всё так же разрастался не в высоту, а вбок, росли у меня только голова и руки, в ущерб всему остальному, явно отстававшему в развитии. Хотя нет, росло кое-что ещё: вопреки логике и здравому смыслу, выпирая и выделяясь на тощем теле огромным могучим довеском.

Ну, вы понимаете, о чём я: в этой области, чуть пониже пояса, генетика или биология – как кому нравится – проявила себя полноценно. Может – даже с перебором, обеспечив мне много страданий и мучений: когда я уже вырос. В первые же мои годы мать с удивлением следила за такими метаморфозами, ничего, правда, так и не рассказывая про таинственного отца, от которого – я не сомневаюсь – и досталось мне такое наследство. Ясная голова, ловкие руки и могучее

хозяйство: это и стало моим наследством, безоговорочным и неотторжимым, обеспечившим мою жизнь и судьбу. И, конечно же, рост...

Вы хотите знать: заботил ли меня маленький рост? Безусловно да. Но не совсем так: как вы могли бы об этом подумать. Когда рост очень маленький: это ведь ещё и преимущество. Случай Наполеона я не обсуждаю. Заметили вы, как ведут себя совсем маленькие дети лет трёх-четырёх, когда идут по улице? Они нагло лезут везде, куда хотят, бесцеремонно расталкивая взрослых, для них просто табу – толкнуть такого наглого карапета, не соблюдающего элементарных приличий. Если же мальчик лет семи или восьми попробует вести себя так же: то быстро почувствует разницу, получив пару толчков, от которых его отбросит далеко в сторону. И маленький рост лет до восьми позволял мне испытывать яркое ощущение вседозволенности, когда я знал, что почти любое моё нахальство будет прощено и списано на мизерный детский возраст.

А особые права маленьких мальчиков крошечного возраста: ходить вместе с мамами в женский туалет? Всячески оберегая, мать лет до семи таскала меня с собой как несмышленного ничего не понимающего мальчика, хотя в семь лет это было уже совсем не так. Мальчишки во дворе уже объяснили к тому возрасту – чем мальчик отличается от девочки – и даже на примере одной егозы продемонстрировали данное различие. Соблазнившись на несколько конфет – от каждого из

зрителей – вертящаяся оторва открыла мне эту страшную тайну, которую обычно узнают в совершенно другом возрасте. И, пробираясь вместе с матерью в заповедные для обычных мальчиков места, я уже как подготовленный зритель с интересом рассматривал скрытые для других богатства ничего не подозревавших маминых соседок.

Хотя в один момент это вдруг закончилось. Мне было тогда уже, возможно, восемь лет, и в тот раз – где-то за городом, куда мы ездили отдыхать – я проявил наверно, просто неслыханное нахальство, откровенную наглость, закончившуюся моим позорным изгнанием. Как обычно я стоял в сторонке и делал вид, что изучаю трещины на полу, рассматривая в то же время округлости расположившейся рядом с матерью жирной тётки. Безусловно ничего выдающегося нельзя было обнаружить в промежности старой потрёпанной калоши, однако мой осмысленный взгляд дал ей понять, что я не такой уж невинный младенец. Вызванный тёткой скандал заставил нас поспешно уйти, и мать перестала брать меня с собой в такие места. Хотя я и так уже насмотрелся всякого, и уже я сам рассказывал мальчишкам во дворе всякие детали и интимные подробности.

В четыре года меня пристроили в детский сад. Это понятно: не могли же мать и бабушка вечно сидеть со мною дома, следя, как бы я чего не натворил. Пару раз я попадался на мелких проделках, за что получал серьёзные наказания. Один случай я помню: меня как-то неразумно оставили од-

ного в компании с ножницами. Поранился? Нет, ну что вы. Ловкие лапки не дали бы нанести себе какой-то вред, ничего подобного. Просто висевшее рядом на стуле мамино платье оказалось удобным материалом для неожиданно всплывших фантазий. Что-то ярко фигуристое вырезал я из зелёной бархатной материи, засыпав весь пол обрезками и лоскутами, так что когда вернулась наконец мать, она была шокирована. Я уничтожил её парадное платье, лучший и самый красивый наряд, так что можете представить: какие были последствия!

Хотя это было всего лишь моим, наверно, первым творческим актом. У других детей имелись совершенно другие возможности, мне же приходилось буквально из ничего создавать себя. Игрушки? Какие у меня были любимые игрушки? Не всё ли вам равно: и не забывайте, что при нашей с матерью нищете я совершенно не мог позволить себе того, что многие современные дети получают достаточно легко и просто. Я скажу лучше, что *могло бы стать* моей любимой игрушкой. Пистолет. Хороший такой чёрный пистолет в натуральную величину, полностью повторяющий по внешнему виду какой-нибудь браунинг, «макарова» или ТТ, с единственной разницей: стреляющий не настоящими пулями, а чем-то таким, что может просто больно шлёпнуть.

А так – в реальности – у меня имелось, конечно же, две или три машинки, откровенно мелкие и паршивые, и ещё какие-то солдатики. Однако одну из машинок – как я рассказывал – у меня нагло отобрали в песочнице, так и не вер-

нув, с солдатами же, из боязни, что их тоже отнимут, я играл только дома. Разве мог я доверить – такой мелкий и слабый – кому-то свои немногочисленные сокровища, и без того заметно редевшие из-за разных происшествий и несудачиц? Они ведь легко ломались, и разве мог я сам починить их потом – в таком мелком ничтожном возрасте – рассчитывать же в этом деле мне было совершенно не на кого.

Детский сад, куда я ходил, обосновался далеко от дома. Матери приходилось каждое утро привозить меня туда, а потом забирать обратно. К счастью, школа, где она работала, находилась в той же стороне: так что ей было достаточно удобно. Мы добирались на двух троллейбусах: сонные, как варёные мухи, мы залезали в неспешно подползавший транспорт и пробивались куда-нибудь в середину, где какая-нибудь добрая душа уступала нам место, и мы тихо погружались в сон, недолгий и прерывистый. Три или четыре остановки – и нам приходилось менять дислокацию, вытряхиваться из уже пригретого места и запихиваться в новый троллейбус. Ещё через три остановки меня ждал сад: место заточения, где приходилось отбывать большую часть дня в надежде на возвращение матери.

Да-да: это была первая тюрьма, куда я угодил почти добровольно, ну или точнее добровольно-принудительно. Строгий распорядок, строгие воспитатели, мерзкие мальчишки и девчонки: примерно так можно описать данное заведение. Они ещё и гордились собою! Ну ещё бы: престижный район,

удобное место, наверняка приличные зарплаты и не самые худшие дети. Как меня приняли в сад – опять-таки не знаю, просто какие-то чудеса иногда сопровождали мою мать и меня по жизни, облегчая нам судьбу. Там ведь собирались не самые простые дети, а, как сказали бы сейчас – элита! Что совершенно не мешало им вести себя как распоследние сволочи, особенно когда дело касалось тех, кто выглядел заметно слабее.

Плюнуть в компот, связать вместе шнурки от ботинок во время послеобеденного сна, насыпать земли или налить клея в карман куртки, а потом исподтишка следить, как ты неумело барахтаешься, растянувшись на полу, или грязной ладошкой пытаешься избавиться от обнаружившейся дряни: примерно такими делами пробавлялись дети инженеров и врачей, милиционеров и чиновников, собранные в одном месте и получившие индульгенцию на свои грязные подвиги. Там ведь было ещё и деление на группы, в зависимости от возраста: младшая, средняя, старшая, и вполне уместно будет сравнение происходившего с армией. Что могли противопоставить салаги-младшие пятилеткам – черпакам-средним, не говоря уж про дедов-старших, уже задиравших нос и плевавших на мелкую малышню в прямом и переносном смысле? А представьте: каково было в такой компании в такой компании мне, с моими габаритами и не самым высоким, как сказали бы сейчас, социальным статусом?

До сих пор я помню главного врага: жирный мордovorот

– Стасик – с самого начала выбрал меня в качестве груши, на которой можно безбоязненно тренироваться, по-всякому издеваясь и развлекаясь. Он был старше на год, и мне пришлось целых два года сносить животное. Толкнуть жирным задом, незаметно для воспитателя высыпать полсолонки в суп, или просто двинуть кулаком – без всякой причины или повода: примерно так изгалялся надо мной наглый жир-трест, вымахавший со временем в жирную свинью. Уже в школьные годы я случайно встретил его: мрачный битюг к счастью не узнал свою старую жертву, я же на целую жизнь запомнил синяки, оставлявшиеся у меня на теле. Воспитатели? А что воспитатели: для них любая детская возня была просто вознёй и не больше того, так что они совершенно не реагировали на откровенные издевательства, которые младшие терпели от старших, провоцируя развитие процесса. Я могу представить себе, что творилось в других садах – не таких элитных, если даже в таком месте можно было проснуться после полуденного сна, к примеру, измазанным зубной пастой или чем-нибудь похуже? Да-да, тамошние детки могли обмазать даже своими какашками, так что всё время приходилось быть начеку. Ложась в кровать после обеда, я на самом деле притворялся, что сплю: я чутко следил за малейшими звуками и передвижениями вокруг, что несколько раз спасало от неприятностей. Я хоть и был слабаком, но если бы я увидел того, кто подкладывает свинью и доложил воспитателю: то засранцу могло не поздоровиться. Его могли и

выпереть из сада, благо что желающих попасть туда хватало с избытком. Там на самом деле было хорошее место: большой оборудованный двор среди больших домов, с хорошими площадками и аттракционами. И кинотеатром в соседнем здании, куда самые шустрые могли сбежать среди дня и смотреть фильмы.

И именно там я впервые опробовал то, что стало главным призванием и делом жизни. То есть опробовал даже не я: это сделала моя правая рука, независимо от воли и желания. Впрочем, когда я стоял как-то рядом с одной девочкой, то случилась такая история. Незаметно для меня самого скользящая в кармашек девочки лапка вынырнула с крепко зажатым кошелёчком, в котором угадывались крупные и мелкие монетки. Лапка тут же спрятала кошелёчек под одежду: и мне ничего не оставалось, как уйти в тихое место, где меня никто не видит. А там уже я выгреб свою первую добычу, а кошелёчек спрятал, чтобы не сразу его смогли найти.

Смело? Ну что вы: смелость тут ни при чём. Это был рефлекс! Точно так же, как у какого-нибудь хищника – независимо от его воли и желания – просыпается рефлекс убийцы, так же у меня проснулся рефлекс карманника. И я же рассказывал про разговор, как-то случившийся у меня с матерью – ещё до того, а также про родившиеся в качестве продолжения разговора мысли! Так что всё легло одно к другому, и, распахивая монетки по карманам и пряча их от общего внимания, я как-то сразу понял и осознал: что это вот и есть

главное, что передал мне отец, так и не захотевший знать меня, и что против всех, кто бьёт и унижает, я имею в арсенале такое оружие, с которым они точно никогда не справятся!

III

Здравствуйте, здравствуйте. Очень признателен вам. Ведь именно вы попросили сделать для меня то, о чём мы говорили? Похоже, вас тут сильно уважают: на следующий же день в моей камере устроили маленький ремонт, так что теперь не надо бояться наводнений. Если только всемирный потоп: но тогда уж смоем всех, кто находится здесь: и внутри, и снаружи. Кто же сможет из живущих здесь рассчитывать на спасение: нет таких, пускай не рассчитывают! Просто находящиеся внутри проявили слишком много настырности и силы – животной силы! – у сидящих же в охране её оказалось намного меньше. Почему и находятся они снаружи.

Если же посмотреть внутрь – кто из себя что представляет и в каком направлении нацелен: то здесь – за исключением явно болезненных случаев – разница несущественная. Да эти вертухаи сами бандиты и подонки! Во всяком случае многие из них. А такая тема вас не интересует: «преступность в правоохранительной системе»? А то ведь тоже могу достаточно много рассказать, и про местных бандитов в погонах, и про столичных. Мне ведь терять особо нечего. Кроме жизни, конечно.

Хотя конкретные имена и фамилии, разумеется, я назы-

вать не стану: мало ли с кем из них вы знакомы. Зачем лишние сложности, мне бы как-нибудь разобраться с тем, что уже есть. В том числе и с тем кашлем, про который я рассказывал. Что вы сказали? Просили и врача прислать? Но пока ещё он не добрался до меня, так что ждём-с.

Вы сегодня надолго? Сколько потребуется? А то в прошлый раз начальство предъявляло претензии: почему так долго мы с вами тут сидели и о чём беседовали. И что я мог ответить: не рассказывать же заново истории из ранней юности, тем более что всё равно они бы их не поняли и не оценили. Тюремное начальство: оно ведь тупое и недалёкое, и фантазия у него распространяется не дальше, чем у какого-нибудь обывателя. Но это между нами, договорились? А то они решили, что, купив машину – подержанный джип или лендровер – сразу становятся элитой. В гробу я видал такую элиту в белых тапках: с ними даже поговорить не о чем, не стану же я с ними тереть о достоинствах их ржавой рухляди, которую они холят и лелеют как самое родное существо!

То есть я понимаю: каждый человек хочет, чтобы его было много. Поэтому он покупает большую машину, большую – насколько возможно! – квартиру, и строит себе дачу, чтобы продлить себя максимально далеко.

Однако у меня никогда не возникало такого желания: я всегда – наоборот – считал свою миниатюрность преимуществом, признаком неуловимости и безопасности. Ведь мелкая рыбёшка всегда проскочит сквозь сетку, в которой

запутываются шуки и лещи! Так же и я всегда – и где только возможно – пользовался своей незаметностью и во всяком случае никогда не лез на рожон. Я уже понимал – в чём мои преимущество и сила. Грубо говоря: стоило моей руке скользнуть куда-нибудь чуть дальше, и сразу же в ней оказывались чужие предметы, непонятным образом извлечённые из сумок, карманов и скрытых тайных мест. Причём мне и учиться не требовалось: после того случая в саду я сразу же осознал: это и есть моё призвание! Добытые монетки я истратил на мороженное и конфеты, которые безумно любил тогда. Я не говорил? Я ведь сладкожка, причём до сих пор, в те же детские начальные годы это проявлялось особенно заметно. Я мог – если позволялось – умять за один присест большую шоколадку, или две порции мороженого, что совершенно не поощрялось матерью. У меня зубы видите какие? Чёрные, и всё благодаря вредному увлечению. Которое она старалась контролировать, в меру своих сил и возможностей, однако куда ей было уследить за мною!

Помимо настырности я проявлял ещё и самостоятельность. Ведь чтоб купить те же конфеты и мороженное: приходилось ведь путешествовать по улице. Мелкий такой шкет – явно потерявшийся – шёл себе не спеша по тротуару, не обращая внимания на других людей, но наибольший шок возникал тогда, когда шкет доставал из кармашка деньги и совал их продавщице. Она, как правило, думала, что мама стоит где-то рядом, и мило сюсюкала, всовывая мне в лапки холод-

ную пачку. Сколько стоит богатство, я тоже уже знал: освоенные в шесть лет самостоятельно чтение и счёт превращали меня чуть ли не в вундеркинда – на фоне внешнего облика – так что когда я совал семь копеек и просил фруктовое, или требовал пломбир за пятнадцать – давая ровно столько, сколько было необходимо, то продавщица умилённо смотрела на меня и говорила какие-нибудь глупости. Откуда ж ей было знать, что моя мать не только не поощряет такое поведение, но и не знает о самом факте: что я объедаюсь время от времени сверх всякой меры запрещёнными сладостями.

Откуда я брал столько денег? Ну я же рассказал в прошлый раз: как однажды почти случайно спёр свою первую добычу. Неужели вы думаете, что я на этом остановился? Обнаруженный спустя время кошелёк вызвал некоторые волнения: кого-то из старшей группы даже с пристрастием расспрашивали, однако никто так и не признался в совершении преступления. А я? Разве мог кто-то предположить, что тощий и мелкий доходяга способен на такие ловкие искусные дела? В саду я держался тихо, но независимо: те, кто мог стать друзьями, так ими и не стал, насчёт же врагов я уже рассказывал. То есть насчёт главного врага. Которого однажды – используя обнаружившиеся способности – я жестоко наказал, хоть немного отплатив ему за боль и унижение.

Раз семь или восемь за детсадовские годы применял я по-настоящему свои умения: там были и кошельки, и пара игрушек, и просто отдельные бумажные купюры, которые я

случайно замечал внимательным чутким взглядом. Помимо умения *незаметно достать* требовалось ведь и умение *выследить* добычу, найти такой предмет, к которому можно будет проложить уверенный маршрут. Я инстинктивно понимал, что цели должны выглядеть реалистично, и никогда не стал бы покушаться на какой-нибудь, к примеру, сейф, или большие громоздкие предметы. Щипачество – я узнал позже это слово – было тонким и искусным ремеслом, предполагавшим самые разнообразные умения.

Быстро увидеть незащищённый предмет; незаметно оказаться рядом; убедиться, что преступные намерения никто не распознал; аккуратно вытащить предмет, и, наконец: быстро унести ноги или скинуть добычу помощнику.

Такой порядок действий – в общем виде – предполагает моя профессия, однако постигал я его на личном опыте. В первый раз мне крупно повезло! Если бы я сразу же попался: тогда моя карьера могла завершиться, только начавшись. Однако постепенное – по шажкам – освоение процесса дало возможность набраться опыта и избежать ошибок. И особенно главной из них: недооценки жертвы.

Ведь пошедший на дело щипач, если он считает всех вокруг лохами, а себя ощущает пупом земли: он ведь почти обречён! Одно неловкое неосторожное движение: и вот уже чужие руки хватают тебя за шкуру, злобный ощеренный рот что-то орёт прямо в лицо и желанная прежде добыча превращается в вещественное доказательство. Попробуй убеги

потом на маленьких кривых ножках от разгневанного терпильи, ощутившего себя вдруг могучим Голиафом! И при этом обиженным мелким таким и жалким Давидиком...

Подобный исход стал бы для меня абсолютно неприемлем, так что исключительно осторожно осваивал я данный процесс. Только стопроцентная гарантия, только верная надёжная цель, только максимально широкий – на случай обнаружения – круг подозреваемых, чтобы затеряться среди кучи возможных кандидатов. В дальнейшей своей жизни, кстати, я никогда больше не крысятничал. И ради безопасности, и просто потому, что воспринималось подобное не слишком хорошо. Хотя говорить, что в саду я был среди своих: слишком жирно! Один жиртрест чего стоил: мерзкий жирный боров, лишившийся любимой игрушки. То есть я даже не украл её: ту самую блестящую чёрную машинку – которой он хвастался перед всеми, задаваясь сверх меры и дразня всех без исключения – я просто сломал. Сломал так, что никакому восстановлению она уже в принципе не подлежала, причём заподозрить он мог любого, что и вылилось в несколько драк и потасовок, после одной из которых – уже под занавес – его выперли наконец из сада.

Благодаря чему я и избавился наконец от главного своего врага и гонителя, хотя и без него хватало в саду мерзких типов. Я был всё-таки слишком мелкий для своего возраста, так что даже перейдя в среднюю группу, не мог почувствовать себя спокойно. Даже вновь появившиеся пятилетки

смотрели на меня сверху вниз, так что, если появлялась возможность, я старался слинять. Когда все гуляли на открытом воздухе, то именно тогда я совершал вылазки на улицу, так сказать за флажки, притворяясь потом . . . . На такой большой вместительной площадке было где затеряться! Я помню несколько качелей, пару песочниц, карусели и несколько игрушечных домиков, где якобы я и скрывался, когда воспитатели созывали всех и не могли меня найти.

Помимо улицы я иногда прятался в кинотеатре. Если удавалось подкараулить момент, когда служащие закрывали двери, то в наступившей уже темноте я мог проскочить мимо. Неловкие тётки вряд ли стали бы отлавливать прошмыгнувшую тень, растворившуюся уже в черноте зала, а останавливать сеанс ради какого-то одного мелкого зайца они не стали бы. Я тихо устраивался где-нибудь в верхних рядах в одном из громоздких кресел и смотрел фильм. То есть если кино мне нравилось, я мог пялиться до самого конца в широкий мерцающий экран, если же там разливалась откровенная скука: то мог тихо подремать. Главное было не упустить тот момент, когда всё закончится, и я, путаясь под ногами и прикрываясь взрослыми не выплыву на улицу, где уже, вполне возможно, поднялся из-за моего отсутствия небольшой шухер.

Однако в таких ситуациях я всегда удачно косил под идиота. «Я? Где я был? Да вот тут. А потом в том углу. Почему не отзывался? А я не слышал: потому что играл и был

сильно занят. Во что играл? Ну, куличи лепил, за драконами гонялся. Разве не могу я попроследовать мерзких драконов, которые совсем уже обнаглели и просто проходу не дают?» Детские фантазии в сочетании с приходившим в соответствие после тёмного зала видом заставляли отстать от меня. Всё равно ведь ничего не случилось, так что даже наказывать меня было особо не за что. Так что, обнажив виртуальный меч из виртуальных ножен, я летел уже дальше – за следующим драконом, врезаясь в толпу однолеток и теряясь в ней от пристального внимания.

Среди пострадавших от моих быстрых лапок были и соратники по несчастью, и их родители, и даже кое-кто из воспитателей. Главную же добычу – мятую жёваную десятирублёвку – я стырил из халата заведующей. Как я понимаю теперь, сама эта десятка также имела не вполне честное происхождение: сунутая втайне от всех – в тихом месте, когда никого не было поблизости, она стала, по всей видимости, частью взятки, вручённой заведующей. Чуткость и внимательность уже тогда позволяли мне видеть и замечать то, что проходило мимо общего внимания, так что, когда однажды в тёмном тихом закутке я обнаружил с осторожностью беседовавших взрослых – заведующую и незнакомую женщину – то решил проследить за ними. И не зря! В конце беседы я увидел, как женщина засовывает заведующей в карман красную купюру – я ещё не держал в руках таких! – после чего они мирно расходятся.

Хотя задачку она задала нешуточную, мотаясь по всем помещениям и кабинетам, и помогло мне лишь то, что старая грымза просто забыла про бумажку. Я подкараулил момент, когда она сняла белый халат, и тогда уже, в тишине и одиночестве, достал вожделенный приз, так опрометчиво оставленный без присмотра.

Был ли шмон? Поймали ли меня? Ну что вы: иначе я наверняка не сидел бы сейчас перед вами, и моя судьба текла бы по совсем другому руслу. В реальности же после каждой очередной моей вылазки в саду наступало напряжение и происходили беседы с очередным подозреваемым. Однажды – уже в самом конце – до меня тоже дошла очередь. Однако что мог ответить на непонятные сомнительные вопросы слегка дебиловатый мелкий карапет, оторванный от любимых развлечений и попавший под сильный прессинг? Я помню, как дико расплакался тогда, благо что добыча оказалась уже припрятана в надёжном месте. Меня – как и предыдущих подозреваемых – пришлось оставить в покое, тем более что до школы оставалось уже совсем чуть-чуть, и я решил больше не испытывать судьбу.

К школе же – несмотря на внешнюю дебиловатость – я оказался готов удивительно хорошо. Давно уже выученные азбука и счёт позволяли читать детские книжки, про подсчёт же денег я уже вам рассказывал. Никто не мог – так же как я – быстро складывать, вычитать и умножать числа, так что ничего удивительного – почти! – не было в том, что меня

взяли в школу, где в качестве посудомойки трудилась моя собственная мать.

Нет, если бы она работала в другом заведении, меня бы точно там забраковали: специальная языковая школа была не резиновая и далеко не всех желающих могла принять под своё крыло. Было ещё ведь и испытание: я помню, как мелко потел и дрожа, стоял перед строгой комиссией и отвечал на какие-то вопросы. Однако дело закончилось благополучно: мне сказали «принят», и, в отличие от троих или четверых соратников по детскому саду, я оказался зачислен в строгую элитную школу.

Радовался ли я этому? Даже не знаю: высокий статус означал, что придётся прикладывать все силы для того, чтобы не вылететь и оправдать доверие. С другой же стороны: сложная школа могла многое дать, так что после неё я мог рассчитывать на высшее образование. Если бы захотел получить его.

Хочу заметить: если бы дело происходило сейчас, а не тогда, я бы никогда не смог поступить туда и закончить, не из-за сложностей учёбы, нет, у нас с матерью просто не нашлось бы нужного количества денег, которые дерут сейчас элитные заведения. Я слышал: за дополнительные предметы, на ремонт, и прочее, и прочее. Так что я получил образование фактически бесплатно, больше того: мы с матерью выстраивали отношения со школой так, что она сама приплачивала нам. Ну, я рассказывал про холодильники? После моего поступления мать стала активнее пользоваться служебными

привилегиями: теперь уже я тоже – время от времени – прихватывал с собой какой-нибудь пакетик или свёрточек, источавший приятный аромат. Так и шёл я – вызывая интерес собак и кошек, если в пакетике скрывались сардельки или колбаса – всю дорогу до дома.

До определённого момента я добирался в школу вместе с матерью, однако классе в третьем я попробовал найти пеший маршрут. На самом деле троллейбусы сильно кружили по дороге от дома к школе, поэтому, достав карту, я проложил маршрут, который однажды решил опробовать. Почти час возвращался я тогда домой по незнакомым улицам, ставшим скоро родными и близкими. Всё оказалось не так сложно, места были достаточно оживлённые, и домой из школы я стал возвращаться именно так.

Утро же всегда становилось испытанием: мне и так приходилось вставать часов в семь, так что в обычном после подъёма дохлом пришибленном состоянии утренняя прогулка стала бы пыткой. Но я и так немало сэкономил: два пятачка в день давали целый гривенник, который я добавлял к собиравшимся понемногу запасам. Матери до определённого момента я ничего не говорил: разве не стоили проявленная смекалка и натруженные мозолистые ноги некоторой компенсации? Хотя вру: экономией я занимался и до того, просто она стала регулярной и постоянной. Раньше ведь как всё было устроено? Входил ты в автобус или троллейбус, и в определённом месте опускал в стеклянную будочку свои

пять копеек, после чего сам – своими руками – откручивал себе и отрывал билетик. Однако кто мог проверить – что или сколько ты там бросаешь, и бросаешь ли вообще, а не просто делаешь вид? Немалую экономию давало использование копеечных монет, или просто каких-то железочек, хотя бы отдалённо похожих на монеты. Так что карманные деньги у меня постоянно водились, ссыпанные в карманы брюк или запрятанные в кошелёк, который я всегда носил во внутреннем кармане на груди.

Но главным источником пополнения кассы стало не это мелкое жульничество. Я не рассказывал? Ещё играя во дворе – до поступления в школу – я освоил кое-какие развлечения, точнее – игры, ставшие хорошей тренировкой и школой для будущего. Вы сами никогда на деньги не играли? И не надо: потому что, нарвавшись на профессионала, вы можете много потерять. Так же, как это происходило со всеми, кто вязывался в соревнование с таким карапетом как я.

Какой-нибудь третьеклассник, давно уже освоившийся в школе, при виде мелкого доходяги, протягивающего свои копейки: что должен был сделать? Ничуть не сомневаясь в лёгкой победе, он ставил на кон свои пять, или десять, или даже двадцать копеек: и почти всегда проигрывал!

Играли же мы в расшибалочку и пристенок. Не пробовали? Ах, знаете, ну хотя бы в общем виде... Если говорить о расшибалочке, у нас это практиковалось так. Сначала участники собирали деньги в пирамидку – устанавливаемую где-

нибудь на земле на маленькой дощечке. После чего с расстояния в три-четыре метра все по очереди пытались в неё попасть: как правило жирными медными пятакми. Сбивший монеты с постамента становился королём: он получал право грохать оставшееся, то есть своим пятаком должен был переверачивать монеты на другую сторону. Пока не делал случайную ошибку.

Так что сами понимаете, как важно было завалить блестящую медно-серебрянную, то есть никелевую кучку! Разумеется, у меня не сразу дело пошло в нужном русле: здесь впервые пришлось по-настоящему тренироваться, отрабатывая силу и точность броска. Во дворе меня не хотели принимать в игру, так что я устроил полигон прямо дома. Как? Ну, я складывал имевшиеся монеты столбиком где-нибудь на полу у окна, и, стоя в противоположном конце комнаты, сотни раз бросал полюбившийся пятак. Грохот? Я подкладывал какие-то тряпки, так что шум терялся. Главное ведь было – просто угодить непослушной битой в самое скопление, которое в реальных условиях просто разбрызгивалось во все стороны мелким дождём.

Сложнее было дело с другой игрой: успех в пристенке зависел не только от ловкости рук, но и от условий игры. То есть: если стена, об которую ударялась бита, состояла из кирпича, то сила удара была одна, а вот если её покрывала драная сгнившая штукатурка: то совсем другая. Тот же самый пятак, служивший битой, мог полететь по одной траектории,

а мог выбрать и совсем другое направление, так что освоить данное игрище в совершенстве мне не удалось, и я предпочитал расшибалочку, где результат всегда был очевиден и не требовал оспаривания.

Сложность состояла ведь ещё и в том, что требовалось не просто выиграть, но и убедить противников в своей победе. Мелкий такой шкет, тянущий деньги у ребят на два-три года старше: не всякий мог стерпеть такое! Тем более когда шкет был на две головы ниже и в физическом смысле ничего из себя не представлял. И во дворе дома, и на задворках школы приходилось тщательно смотреть – с кем я вступаю в сражение, тем более что с какого-то момента слава обо мне распространилась достаточно далеко, и не все решались бросать мне вызов.

Хотя находились и отчаянные ребята: однажды мне пришлось целых два или три часа соревноваться в выносливости с распутившим хвост третьекласником, решившим во что бы то ни стало взять реванш. Происходило дело после уроков, так что у нас двоих и у обступивших свидетелей не было никаких ограничений – разве только случайно заблудившийся учитель или старшеклассник мог прервать процесс! В конце концов именно чьё-то появление и прервало соревнование, что мне было уже безразлично, поскольку большая часть выигрыша – рубля три или четыре – оказалась пересыпана в пакетик и надёжно спрятана в сумке, а в карманах брюк брякало лишь обычное для меня той поры количество

жёлтых и белых монеток.

На что же я тратил периодически сваливавшееся богатство? На то же, на что и раньше: сладости и мороженное, плюс на какие-то игрушки. Мать ведь не выделяла карманных денег, ограничиваясь лишь необходимыми и обязательными тратами. Даже о ручках и тетрадках приходилось заботиться самому: так что я ничуть не стеснялся, раздевая какого-нибудь оболтуса из параллельного класса и лишая его целой серии завтраков и обедов!

Хуже обстояло дело с обувью и одеждой: я не зарабатывал столько, чтобы покупать их самому, мать же вечно брала мне самую дешёвку. На фоне одноклассников я выглядел настоящим голодранцем: самая паршивая школьная форма – брюки и пиджачок, самые дешёвые и примитивные рубашки и носки, и самые простые и легко разваливающиеся ботинки, в которых с какого-то момента приходилось покрывать огромные расстояния. Кое-кто смеялся надо мной – особенно вначале – и огромных усилий стоило мне превозмочь такое пренебрежение.

Я ведь был ещё и старше всех: на год, позволивший хоть как-то сократить разницу в росте. Я не говорил? Да, моё упущение: просто в детский сад меня приняли на год позже, иначе отставание в физическом развитии стало бы просто катастрофическим. Но этот дефект вполне компенсировался превосходством в интеллекте. Может, на фоне моих ровесников я бы смотрелся просто как способный парень, но я

ведь оказался не с ними, я учился вместе с оболтусами из более-менее привилегированных семей, попавших в школу по тому или иному стечению обстоятельств и не слишком обременённых интеллектом.

Конечно, были исключения: увлекавшийся химией и физикой Сергей или писавшая стишки Лена отличались безусловно от обычных в каждом классе отличников и зубрил. Именно с Сергеем у меня сложились отношения, тянувшие на дружеские, тем более что он совершенно не обращал внимание на разницу в росте и комплекции. Он как раз был высокий и худой, точнее – тощий как скелет, так что ему доставалось почти так же как мне. Только он мог постоять за себя: высокая очкастая глиста в скафандре (как называли его враги) обладал такими длинными рычагами, что мало кто решался задевать его по-настоящему. Он хоть и носил очки в тонкой оправе – болтавшиеся часто на самом кончике носа, но при попытках наездов резко ощетинивался и давал сдачи. Даже те, кто были старше на год, не связывались: я помню, какой отпор он дал в первом классе какому-то третьекласснику, не помню по какой причине наехавшему на Сергея! На драку в школьном дворе собралась куча зрителей, имевшая возможность насладиться тем, как умело и ловко он отбрыкивается от жирного здоровяка, так и не сумевшего одолеть Сергея в неравной драке и тихо в конце концов слинявшего. Однако сам он ни на кого не нападал: он увлекался астрономией, собирал марки, а позже – в средних уже классах

– занялся химическими опытами, в которых я тоже принял некоторое участие.

В отличие от меня у него имелась полноценная семья, и жили они в отдельной нормальной квартире не так далеко от школы. Именно к нему ходил я в гости после уроков, если на улице стояла паршивая погода и было особо нечем заняться: я знал, что у него всегда найдётся дома новая игра или книга, а в холодильнике лежат остатки какого-нибудь пирога или торта, которые перепадут в том числе и мне.

Чем мы занимались? Да всем чем захочется: от обычного морского боя и телевизора до мелких пакостей, устраиваемых по телефону. У него ведь имелся цветной телевизор – неслыханная роскошь в те времена! Здоровый яркий телек отечественного производства позволял видеть намного лучше и больше, чем тотдохлый чёрно-белый «Рекорд», что стоял у нас с матерью дома, и иногда я специально только ради этого напрашивался к нему. Но Сергей был добрым ко мне: он безусловно видел и понимал моё положение, и совсем не имел ничего против того, чтобы делиться со мной плодами своего благополучия. Его родители ездили, кажется, и за границу, так что у него имелись и западные шмотки. Тырил ли я у него? Да вы что: никогда не был крысой, воровать же у лучшего и единственного настоящего друга: запахло! Тем более что пару раз мне от него обламывались мелкие подарки. Мы же с ним были – друзья, двое против всех, имевших глупость или наглость наезжать на нашу нестан-

дартную парочку. Он ведь выделялся и как самый высокий в классе – моя в этом смысле противоположность – так что иногда нас дразнили Дон Кихотом и Санчо Пансой: другой почти неразлучной парочкой, из других правда времён и народов.

В этом сравнении что-то было: умный и языкастый Санчо-Хорёк хорошо урановешивался устремлённым куда-то ввысь Кихотом-Сергеем, защищавшим меня и часто приходившим на помощь. Хотя блаженным идиотом он никогда не был: так же как и я, он любил, например, поиздеваться над идиотами или дураками, что мы делали регулярно и постоянно. Чаще всего по телефону: мы могли выбрать, допустим, какой-нибудь номер телефона, и несколько раз подряд приставать к беспечным изначально хозяевам с вопросом, не там ли находится сумасшедший дом, каждый раз ужесточая интонацию. Мы по очереди просили главврача названного выше учреждения, когда же взбешённый собеседник после пятого или шестого звонка догадывался наконец о нашей проделке и грозился милицией, мы весело ржали и посылали дурачка подальше. Кто же мог поймать нас в те времена в гигантском уже тогда раздувшемся городе без определителя номера и прочих специальных прибамбасов? Такая развлекуха становилась безопасной, и ни нам, ни случайной жертве ничем не грозила, так что мы не стеснялись и весело проводили время.

Среди перепадавших мне иногда от Сергея подарков по-

падалась жвачка: не та примитивная и убогая замазка, что выпускалась у нас и была общедоступна. Нет, он давал настоящую западную жвачку в ярких цветастых обёртках, которые уже сами по себе представляли ценность. Это была целая индустрия! Все мальчишки – даже из самых преуспевающих семей – собирали разноцветные фантики и менялись потом, составляя серии и коллекции. У меня тоже скопилась россыпь случайных обёрток: если уж марки стоили дорого и были недоступны мне, то хотя бы так я тоже принимал участие в этом движении. Хотя одними только фантиками мой интерес к жвачке не ограничивался. Я любил и нагадить: неважно кому, лишь бы было интересно и увлекательно. Нажуёшь этак хороший кусок жвачки до состояния полной уделанности – когда уже она липнет к зубам и забирается в дырки от кариеса – и потом, выходя из вагона метро, налетишь на перекладину рядом с выходом. Или ещё раньше, до школы. Сидя на коленях у матери где-нибудь в ползущем по городу автобусе или троллейбусе, я любил портить всем костюмы и настроение: специально извазанным в густой луже носком ботинка я проводил по штанине сидевшего рядом серьёзного взрослого мужчины, внимательно наблюдая, как коричневые полосы исчерчивают однообразный до того фон. Мужчина тихо отодвигался: он ещё не видел прискорбных последствий такого опасного соседства и потому не проявлял особой нервозности и спешки. Нервы вскипали лишь потом, когда мужчина вставал и замечал наконец случившу-

юся неприятность, на что реагировал чаще всего злобным взглядом в мою сторону. Но что он мог поделать против моей абсолютной защищённости малым ростом и убогим видом, который уже тогда играл мне на руку? Никто не позволил бы взрослому сильному мужчине наказать тихое беззащитное существо, лишь снизу вверх смотревшее спокойными внимательными глазами. Он ведь не мог доказать, что я сделал это специально, чтобы наказать ещё одного наглого здоровяка за то, что он такой большой и сильный, и хоть как-то восстановить баланс. Сама идея – устранение несправедливости, допущенной ко мне злобной слепой природой – давно уже возростала во мне из самых глубин моего естества, и если наглые жлобы не желали восстанавливать статус-кво, то приходилось брать дело в свои цепкие руки.

Совсем уж по-простому: когда я выпускал газы в едущем через город автобусе или троллейбусе, или вагоне метро: меня почти не раздражал собственный запах, чего нельзя было сказать о других. Они морщили лица, крутили носами, стараясь понять, какая же свинья испортила им поездку, однако обилие возможных кандидатов так и не позволяло определить источник.

А моя шутка с лифтом? Я любил, как бы это сказать, сначала дарить надежду, а потом уничтожать её, оставляя человека в растерянности. Заходя в лифт – на первом этаже – я ждал, когда же хлопнет вдалеке дверь, и дико спешащий человек – видя издали открытый зев, радостно припустит, что-

то вскрикивая и хлопоча. Когда же ему оставалось метров пять, вот тут-то я и выходил на авансцену: отпуская сдерживаемые тонкими ручками двери, я быстро жал кнопку – желательного на последний, пятый этаж, и только что радующийся удаче человек – какая-нибудь тётка с большими авоськами или жалкий старикашка – оказывался с носом, испуская недовольство.

Однако просто поездкой на самый верх я не ограничивался: обнаружив достаточно рано несовершенства в конструкции лифта, я научился останавливать его на нужном этаже, заставляя целый подъезд уже грубо возмущаться и стоять на ушах. Для этого стоило всего лишь вставить небольшой прутик или палочку в раздвинутые створки в определённом месте, и на несколько часов я обеспечивал им весёлую радостную жизнь, с невинным видом возя в это время машинки по полу в нашей комнате.

Редко когда обнаруживались мои художества, но даже тогда я в-основном уходил от ответственности, во всяком случае когда пострадавший меня не знал. Прикинуться дурачком, изобразить непонимание или даже дикую радость, свойственную слабоумному дегенерату: вот что помогало справиться мне и выйти почти сухим из воды. Максимум, на который отваживалась жертва – дать слегка по шее и исторгнуть грубое ругательство, на что я незамедлительно реагировал. Маленьких бьют, какое свинство, вы только посмотрите на этого грубого здоровяка, позволяющего себе обижать та-

кого маленького мальчика, пусть не слишком красивого, но всё равно не заслуживающего подобного отношения!

Снизу вверх спокойным взглядом встречал я атаку очередного провинившегося передо мной – уже одним фактом своей нормальности! – здоровяка, уходя почти всегда от ответственности за мелкие шалости и проделки. Хотя один раз – я запомнил это чётко – мне не повезло, и я оказался серьёзно наказан. За что? Можно сказать, за мороженное. Точнее говоря: за то, что в те давние времена мороженное сопровождало и оказывалось рядом. Вы ведь видели, как раньше летом его продавали: пачки и брикеты держали в больших металлических тележках, а чтобы оно не растаяло, туда клали сухой лёд.

Что это такое? Кажется, сжиженный азот или ещё какой-то газ: не помню точно. Так вот однажды летом, когда я с одноклассниками шёл куда-то по улице, по традиции я купил мороженное. И надо же было такому случиться, что к пачке прилип кусочек сухого льда.

Я, разумеется, слышал о жгучести вещества, однако это знали далеко не все. И я просто решил поставить эксперимент над одной одноклассницей, не слишком жаловавшей меня. Можно даже сказать, издевавшейся и третировавшей. Подкараулив момент, я опустил найденный кусочек ей за шиворот: она была не самая высокая девица, и когда она за чем-то наклонилась, моя шустрая лапка оказалась тут как тут и сделала своё дело.

Однако недостаточно быстро смогла она вернуться обратно – на исходную позицию – что и подвело меня: девица резко вскрикнула и забила рукой по спине, где, тая и испаряясь и причиняя, сползал вниз мой неожиданный подарок.

Кажется, она обращалась к врачу, и, хоть никакого особого вреда сухой лёд девице – кажется, Лене – не причинил, но моя явная причастность к ситуации не могла не остаться незамеченной. Хотя я и отбрыкивался из последних сил и признавал за собой лишь мелкое хулиганство – в виде мелкой обычной льдышки, сунутой за шиворот – однако скандал добрался до школы и учителей. Воспитательная беседа должна была поставить меня на место: и после устроенной небольшой выволочки по итогам четверти у меня впервые в графе поведения вместо обычных «хор» и «прим» красовался «уд». Хотя так они всего лишь разозлили меня, заставив отказаться от некоторых взятых на себя обязательств.

Главное же было – не покушаться на школу и всех причастных к ней. Я ведь, разумеется, не собирался прекращать те эксперименты, что нежданно-негаданно начались у меня в детском саду. Свистнуть то, что плохо лежит и при этом не попасться: здесь проявлялась определённая доблесть, основанная на блестящих изначально способностях и растущем постепенно мастерстве. Руки требовали постоянной тренировки, так же как и голова: любое действие необходимо было тщательно готовить, чтобы оно не привело к фатальному исходу, и мне не пришлось бы проститься с надеждами на

дальнейшую карьеру и успешную жизнь.

Я ведь совершенно не собирался отказываться от обычной стандартной карьеры, на которую мог рассчитывать, учитывая успехи в учёбе. Да, я не говорил? Я ведь очень неплохо учился, особенно первые годы. Причём мне было всё равно, чем именно я занимаюсь: в равной степени у меня удачно шли и математика, и русский язык, и география, и нелюбимая многими химия. Кто-то из учителей делил оболтусов на гуманитариев и естественников: у кого-то действительно лучше получалось считать и выписывать формулы, в отличие от других, имевших крепкую память и хорошо подвешенный язык. Им оказывались ближе история и языки: свой собственный и немецкий, преподносимый так глубоко и основательно, что его останки у меня теперь уже ничем не травмишь.

Домой мы шли «нах хаузе», там мы «эссали» и «тринкали», а потом – после всех дел – «шлафали». Вы не поняли? Наверно, и не всякий немец понял бы то, что я сейчас сказал, бурую смесь немецкого с нижегородским, так сказать. Нам же преподавали это три, и в самом конце школы – четыре раза в неделю, так что даже тот, кто не хотел напрягаться, вынужденно вполне прилично осваивал язык. Того словарного запаса, что в нас впихивали, разумеется, оказывалось слишком много для обычных средних людей, и богатство выветрилось и улетучилось со временем, но основа до сих пор. Я, наверно, до сих пор мог бы объясниться с немцем и по-

нял бы его, несмотря на полное отсутствие практики. Кстати, во время учёбы мы практикой занимались: точнее, учителя склоняли нас к поддержанию контактов с нашими сверстниками из берлинской школы, имевшей налаженные давно связи. То есть в Берлине имелась русская спецшкола, которую явно по приказу свыше случили с моей спецшколой, и однажды мне домой пришло пухлое письмо, обклеенное немецкими марками. Далёкий немецкий сверстник – то ли Курт, то ли Вернер, не помню точно – на корявом русском описывал свою жизнь и учёбу и предлагал стать бриффройндом. Что это такое? Друг по переписке: ничего особого не означающий статус, просто мы могли писать друг другу письма, тренируясь в языке и заодно в поддержании международных, так сказать, связей. Мир, дружба, фройндшафт: неужели не слышали? Они ведь тоже играли в пионеров: только у нас это выражалось в красных галстуках, у них же галстуки были синего цвета, так же как и пилотки.

Вот это я особенно запомнил: среди присланных однажды в нашу школу предметов имелись синие галстуки и плотные синие пилотки, одна из которых в конце концов оказалась у меня. Очень уж она мне понравилась и запомнилась, так что я даже хотел спереть её у одноклассника, счастливого владельца. Дело однако удалось решить мирным способом: присланные из ГДР предметы распределялись между всеми, и мне тоже достались какие-то значки, которые я в конце концов и выменял на пилотку. Я помню, как любил щеголять

в ней: вряд ли кто-то понял бы меня, если бы я делал это на людях, и тем более во дворе и его ближайших окрестностях, набитых начинающими и продолжающими гопниками. Я мог со спокойной душой делать это дома и ещё в школе – где надо мной не стали бы издеваться. Школа, надо признать, вообще оказалась гуманным местом. Я хочу сказать: что если бы попал в другую школу, то наверняка пережил бы гораздо больше трудностей. Там же дело ограничивалось минимумом: присвоением пусть обидных, но не смертельных кличек, редкими конфликтами на личной почве и различными сложностями в учёбе. Кличка? Та же самая, что я называл вам: Хорёк. Помню, как-то смотрели мы с Сергеем фильм у него дома, где среди главных героев числился маленький и шустрый зверёк. Он мне так понравился и запомнился, что ещё какое-то время я говорил о нём в школе, пока всем не надоел: и в отместку меня называли Хорьком, чтобы обидеть и унижить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.